

УДК 02(477.75-21Евпатория)Карай-битиклиги(091)

Андрей Анатольевич Непомнящий

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, профессор,
доктор исторических наук, Россия, Симферополь, e-mail: dr.aan@mail.ru*

Караимское книжное собрание Карай-битиклиги: история утраченной коллекции

Аннотация. На основе новых документов, выявленных в архивах Санкт-Петербурга, Киева, Симферополя, восстановлены неизвестные страницы истории уникального книжного собрания караимов — библиотеки Карай-битиклиги в Евпатории.

Ключевые слова: Карай-битиклиги; караимы; библиотека; кримоведение.

Andrey Anatolievich Nepomnyashchiy

*Crimean Federal University named after V.I. Vernadskiy, professor, doctor of historical sciences,
Russia, Simferopol, e-mail: dr.aan@mail.ru*

Karaite book collection Karai-bitikligi: the history of the lost collection

Abstract. Unknown pages of the history unique book collection of Karaites — Karai-bitikligi library in Yevpatoria on the basis of the new documents revealed in the archives of Saint Petersburg, Kiev, Simferopol were restored.

Keywords: Karai-bitikligi; Karaites; library; Crimean local history.

Караимская национальная библиотека Карай-битиклиги (в переводе — Караимская библиотека) формировалась на протяжении XIX в. на основе книжного собрания караимской общины Евпатории. Выдающуюся роль в оформлении единой коллекции сыграл караимский гахам Серайя Маркович Шапшал (1873–1961), который купил в 1910 г. личную библиотеку известного столичного востоковеда Ю.Д. Кокизова. Значительную коллекцию (около 20 тыс. томов) завещал для библиотеки караимский библио-

А. А. Непомнящий

фил А. Ю. Мичри. В состав собрания вошла и личная библиотека гахама С.М. Неймана, купленная после его смерти у родственников, и многие другие интересные частные книжные собрания [1]. В годы Гражданской войны, характерные для Крыма особо частыми политическими переориентациями и сменами

правительств, когда евпаторийские караимы стремились любой ценой сохранить памятники национальной культуры, наблюдался расцвет этой библиотеки. Именно в это время на её развитие жертвовали свои средства многие зажиточные жители Евпатории. Сюда передали личные книжные собрания Н. Ко-

Дом, где размещалась Карай-битиклиги

кизов, М. Нейман, С. Нейман, М. Сарач, М. Фиркович и др. В библиотеку вошло также собрание книг и рукописей, оставленное С.М. Шапшалом после его отъезда. Уникальность собрания заключалась в наличии не только печатных раритетов, изданных в различных государствах и посвящённых истории караимизма и еврейства, но и современных рукописных памятников.

После окончательного установления Советской власти в Евпатории в ноябре 1920 г. и проведения национализации остро встал вопрос о сохранности огромной книжной коллекции. Было решено разместить её в здании Евпаторийского караимского семиклассного мужского училища. Однако в январе 1921-го это помещение пришлось освободить, и книжное собрание было перевезено в пустовавший посудный мага-

зин. Сохранился протокол заседания Коллегии библиотечной секции евпаторийского Политпросвета от 8 августа 1921 г., где рассматривался вопрос «О переходе караимской библиотеки в ведение ОХРИС» (Отдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта). На заседании было заслушано сообщение объединённой экспертной комиссии Евпаторийской секции наркомата по образованию Крымской АССР и КрымОХРИСа, в состав которой вошли Мемет Челебиев (Нузет); авторитетный крымовец, преподаватель Крымского университета Арсений Иванович Маркевич; заведующий библиотекой этого вуза Николай Львович Эрнст. Комиссия, конечно, не имела возможность досконально ознакомиться с составом книжной и рукописной

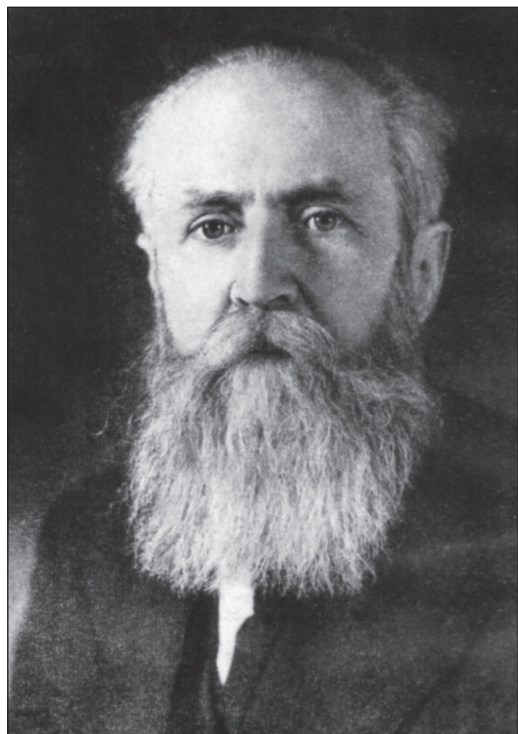
коллекций. Она лишь установила основной состав книг, условно определила их ценность. Согласно рекомендации, сделанной комиссией, библиотека была передана в 1922 г. в распоряжение Евпаторийского ОХРИСа. Уникальная книжная коллекция была выделена как библиотека-музей [2, с. 32]. От этого времени до нас дошли лишь две страницы документа: «Книга входящих бумаг Караимской национальной библиотеки Карай Битиклиги на 1921 год» [3].

Летом 1924 г. библиограф Е. Д. Никитина впервые провела предварительную каталогизацию книг караимской библиотеки. Сохранился её отчёт «Наличность и состояние караимской библиотеки имени А. Мирчи» (составная часть Карай-битиклиги), датированный августом 1924 г. Отмечено, что помещение магазина «никуда не годится: темное внизу, продуявленное сверху, потолок обваливается, крыша протекает, в результате чего многие ценные книги портятся». Е. Д. Никитина систематизировала все издания на шесть основных групп и пересчитала их: «12–13 тысяч книг самого разного типа и достоинства, книги по всем отраслям на всех языках смешаны в общей массе». В этой первой книжной описи библиотеки выделяются: 1) караимские книги и учебники (до 1000, из них 40 рукописных); 2) арабские издания (около 150); 3) латинские и греческие книги XVI–XVIII вв. (150 единиц); 4) русские издания XVIII — начала XIX века (до 200 экз.); 5) книги на европейских языках (до 800 наименований, не считая французских изданий XVIII–XIX века, которых было несколько тысяч, в том числе «до 500 особо ценных»); 6) более 1000 разрозненных, разрушенных книг [4]. Понятно, что такая справка не даёт представления об истинном (полном) составе коллекции и тем более — о находившихся там раритетах.

В июле 1924 г. часть выбранных сотрудниками музея из общего фонда

наиболее редких изданий экспонировалась в Евпаторийском археолого-этнографическом музее на выставке «Старина Востока». В том же году часть редких изданий была переведена на хранение в музей. В дальнейшем библиотека-музей пережила несколько драматических моментов. Зимой 1924–1925 г. в результате сильных ливней и установившихся внезапно морозов в здании бывшего магазина, где хранилась основная коллекция, провалилась крыша. Часть изданий была украдена (по весьма приблизительным подсчетам П. Я. Чепуриной, 500–750 книг) [4. Д. 11. Л. 192 об.]. В мае 1925 г. книги были перенесены в Евпаторийский археолого-этнографический музей. Уже тогда было ясно, что в условиях провинциального городка, отсутствия специалистов со знанием древнееврейского, арабского языков, при полном равнодушии властей и, как следствие — недостатке финансирования сохранить ценнейшие книги и рукописи будет невозможно. Сотрудники музея — кураторы библиотеки Б. С. Ельяшевич и П. Я. Чепурина — пытались привлечь внимание советских учёных к материалам коллекции, надеясь, что это решит проблемы сохранности и изучения документов, введения их в научный оборот, популяризации коллекции.

Начало систематического изучения уникальной караимской книжной коллекции связано с археографической экспедицией в Крым академика Игнатия Юлиановича Крачковского (1883–1951). В 20-е годы XX в. учёный работал в Азиатском музее, а также сотрудничал в издательстве «Всемирная литература». Одним из направлений деятельности «Всемирной литературы» являлось создание очерков в переводе с восточных языков. Хотя этот проект так и остался нереализованным, работа над ним привлекла в издательство И. Ю. Крачковского. Его интерес вызывали также рукописи восточных авто-

И. Ю. Крачковский

ров, в том числе арабских, караимских, крымско-татарских, турецких, которые следовало искать в крымских книжных (рукописных) собраниях. В этой связи у И. Ю. Крачковского возникла настоятельная потребность посетить Крым. Для продуктивной работы академика по изучению крымских рукописей его коллега — преподаватель местного педагогического института В. И. Филоненко — организовал Крачковскому приглашение от Крымского вуза «для чтения лекций по свободной кафедре арабского языка» на восточном отделении педагогического факультета. При этом Крымский университет выделял академику-ориенталисту деньги на дорогу и вознаграждение за трёхмесячное чтение лекций (апрель — июнь) в размере 11 червонцев. Однако учёного больше, чем чтение лекций на восточном отделении провинциального вуза, интересовали рукописи, отложив-

шиеся в местных книжных, музейных и частных собраниях [5]. Вот почему, не задерживаясь надолго в Симферополе, Игнатий Юлианович выезжал в Бахчисарай и Евпаторию для знакомства с архивными и библиотечными фондами. В отчёте о научной командировке он заметил, что «рукописи до сих пор не признавались за памятник равноценной важности», поэтому в Крыму «правильно оборудованных рукописных собраний не имеется» [6]. Академику хотелось лично ознакомиться с уникальными книжными и рукописными коллекциями, отложившимися в бывшем Ханском дворце и Карай-битиклиги.

Субботу и воскресенье 31 мая и 1 июня 1924 г. Игнатий Юлианович вместе с супругой Верой Александровной провели в Евпатории, куда они «ездили вместе с Филоненкой [так в оригинале. — А. Н.]. Остановились там в самом музее у заведующей Чепуриной и было достаточно неудобно. Из-за перемены поездов уехать пришлось не в понедельник, а в воскресенье утром» [7]. В. И. Филоненко и П. Я. Чепурина показали гостям и книжные сокровища караимской библиотеки Карай-битиклиги, где И. Ю. Крачковский выделил как уникальные множество рукописных свитков. Не тогда ли, в последний майский день 1924 г., у востоковеда зародилась мысль о перемещении этого бесценного собрания книг и документов в Ленинград? По крайней мере, дневник академика не содержит никаких заметок по этому поводу. По беглому заключению учёного, сделанному И. Ю. Крачковским по итогам поездки, по своему составу Карай-битиклиги «напоминает собрание Фирковича в Публичной библиотеке, но уступает в качественном отношении» [6, с. 666]. Историк подчеркнул значение находящихся на хранении интереснейших рукописей религиозного содержания.

В это время на важность коллекции Карай-битиклиги для изучения различ-

ных аспектов крымоведения и востоковедения в целом обращают внимание коллег многие известные исследователи. Так, украинский этнограф Евгения Юрьевна Спасская (1892–1980), которая изучала народный орнамент караимов и крымских татар, писала про уникальный состав коллекции Карай-битиклиги своему учителю Даниилу Михайловичу Щербаковскому, отдыхавшему в Крыму в сентябре 1925 г.: «В караимской библиотеке собрано б. 10.000 томов книг и б. шестисот рукописей на древне-еврейском, персидском, турецком и др. языках» [8].

Интересный комплекс содержательных источников по истории изучения Карай-битиклиги ленинградскими востоковедами и передачи части книжного и рукописного собрания библиотеки в Азиатский музей отложился в личном архивном фонде ученика И. Ю. Крачковского, крупного советского семитолога, секретаря Коллегии востоковедов при Азиатском музее М. Н. Соколова (1890–1937). У нас нет документальных доказательств о роли И. Ю. Крачковского в организации поездок в Крым М. Н. Соколова, но факт, что Михаил Николаевич развернул активную деятельность вскоре после крымской командировки Крачковского, конечно, не случаен.

28 апреля 1926 г. М. Н. Соколов в заявлении на имя директора Азиатского музея обосновал необходимость своей командировки в Евпаторию для изучения коллекции Карай-битиклиги [9]. Результатом работ по разбору и каталогизации фонда библиотеки в 1926–1927 гг. стала составленная им карточка «Древнееврейские рукописи Караимской национальной библиотеки “Карай-битиклиги”», которая включает 1027 карточек [9. Д. 16. Л. 1–1027]. Это единственный сохранившийся каталог, который позволяет восстановить репертуар хотя бы части огромной коллекции Карай-битиклиги. Востоковед

В. И. Филоненко

также подготовил «Инвентарные списки рукописей на древне-еврейском языке, хранящиеся в Караимской национальной библиотеке “Карай-битиклиги” в г. Евпатории» [9. Д. 5. Л. 1–62]. Особую ценность наравне с названными каталогом и инвентарной описью представляют сделанные М. Н. Соколовым фотографии части древних еврейских рукописей, изученных им в Евпатории [9. Д. 18. Л. 1–50]. Снимки были необходимы учёному для того, чтобы продолжить атрибуцию документов, их расшифровку и доказать коллегам и руководству Азиатского музея оригинальность собрания. 1 марта 1927 г. он в письме в государственную академию истории материальной культуры обращал внимание коллег на евпаторийское собрание, акцентируя внимание на ценности сохранившихся там письменных памятников и книжных редкостях [10].

М. Н. Соколов

Интерес к коллекции проявили и зарубежные специалисты. Летом 1927 г. приехавший в Евпаторию представитель московского Профинтерна — журналист Ян Мак-Ферсон просмотрел английские и немецкие издания собрания Карай-битиклиги. Отобранные 4822 книги второй категории ценности были перенесены в гаражный сарай, пересчитаны, расставлены в шкафах и опечатаны. В здании музея оставалось до 5 тыс. книг, которые разбирала на добровольных началах научный сотрудник Анна Яковлевна Денисевич [11].

Руководитель Евпаторийской секции КрымОХРИСа П. Я. Чепурина пыталась в это время привлечь внимание не только учёных, но и караимской общественности к бедственной судьбе библиотеки. Вышедший в 1927 г. единственный номер караимского журнала «Бизым Йол — Наш путь» содержит её открытое письмо в редакцию, где говорится о научной ценности собранных в библиотеке документов [12]. Полина

Яковлевна писала докладные записки в различные научные и правительственные учреждения с целью обратить внимание коллег на гибель уникальных книг и рукописей, отсутствие помещения для фондов библиотеки, необходимость финансирования работ по систематизации, каталогизации книг [4. Д. 11. Л. 192–193 об.].

При передаче дел отстранённой от должности заведующей музеем П. Я. Чепуриной новому руководителю Якову Георгиевичу Благодарному был составлен акт, датированный 28 мая 1928 г., из которого явствует, что в состав Карай-битиклиги входили 515 караимских и древнееврейских рукописей, архивный материал караимской общины (245 единиц хранения), 12185 книг и журналов, кроме этого, 1000 наименований неразобранных книг, древние шетары, восточные рукописи с дефектами неизвестного содержания, 2 свитка торы, 2 коробки с кинофильмами [4. Л. 109].

Всё это время книги и рукописи, не имевшие инвентарных номеров, расхищались. Исследователи самостоятельно брали интересовавшие их книги и работали с ними дома или в гостинице. Никто не контролировал возврат раритетов и сохранность фондов. Так, работавший с книгами археолог, сотрудник Сумского окружного музея Николай Емельянович Макаренко (1877–1938), производивший в 1928–1929 гг. раскопки в районе Евпатории, откликнувшись на просьбу П. Я. Чепуриной дать оценку книжного собрания, попытался вывезти три ящика отобранных им для своего музея книг, объясняя эти действия необходимостью оплаты сделанного им просмотра и сортировки фондов. П. Я. Чепурина с грустью констатировала: «Я, в качестве научного работника, могла только высказывать мнение о ценности того или другого материала, когда меня об этом спрашивали, что я и сделала» [4. Л. 192 об.].

Обеспокоенность судьбой книжного собрания проявили симферопольские крымовееды. 24 ноября 1928 г. в Симферополе состоялось заседание Совещания по обследованию библиотечного фонда Евпаторийского ОХРИСа под председательством научного консультанта Евпаторийского музея Виктора Иосифовича Филоненко. Интерес представляет сделанный востоковедом доклад «О караимской библиотеке в Евпатории», где он охарактеризовал книжный фонд, продемонстрировал значение данного собрания для караимской и мировой культуры. По его мнению, «основное ядро караимской библиотеки представляет из себя исключительно солидный материал по караимству. Ценность ее вне сомнения» [4. Д. 10. Л. 194]. Входивший в состав Совещания заведующий Научной библиотекой Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе Василий Михайлович Марков (1881–1962) предложил передать часть книжного собрания, относящуюся к востоковедческим проблемам, на отделение востоковедения педагогического факультета этого вуза [13, с. 48–51]. Однако рекомендации Совещания остались нереализованными. В. И. Филоненко писал Я. Г. Благодарному 23 апреля 1928 г.: «Если не удастся открыть библиотеку в Евпатории, надо отдать только рукописи в Москву или Ленинград». Учёный справедливо настаивал на сохранении ценнейших изданий непосредственно в евпаторийском музее [4. Д. 11. Л. 190].

Б. С. Ельяшевич и П. Я. Чепурина до последних дней пребывания рукописной части собрания в стенах музея продолжали работу по их разбору. В письме к евпаторийскому районному архивариусу (1929 г.) Полина Яковлевна отметила, что «рукописные тетради имеют большое значение для истории караимов... Материал прочитан, пронумерован и для хранения заложен в осо-

бые бумажные папки. Полное научное обследование требует более обстоятельного труда и отсюда, и отдельной оплаты. Силами Евпаторийского музея возможна лишь предварительная работа к научному обследованию» [4. Д. 11. Л. 191 об.]. Требовались специалисты со знанием языков, которые могли бы сделать экспертизу содержания и научной значимости материалов. Таковых в Евпатории не было, поэтому приходилось обращаться ко всем учёным, по разным поводам оказавшимся в курортном городе. Ленинградские специалисты подтвердили уникальный для науки состав не только рукописной части, но и книжного собрания библиотеки. Сохранение книг и рукописей, введение письменных памятников в научный оборот и их использование было возможно только в крупном академическом центре. В Евпатории таких возможностей не имелось.

Весной 1929 г. М. Н. Соколов обратился к неперемемному секретарю Академии наук СССР со служебной запиской, где обосновал целесообразность передачи книг Карай-битиклиги в Азиатский музей в Ленинграде [9. Д. 21. Л. 27]. Как явствует подготовленная им часть отчёта для Академии наук, разбором книг и рукописей Карай-битиклиги учёный занимался в течение 1929 и 1930 гг. [9. Д. 22. Л. 10–11]. Этот документ полностью был опубликован в издании Академии наук СССР. В нём сообщается, что в 1926 г. к оплаченной Евпаторийским музеем месячной командировке ленинградский учёный присоединил ещё и месяц своего отпуска. За это время он просмотрел более 5 тыс. караимских сочинений, сшитых в 300 томах. Из-за нехватки времени остались незарегистрированными около 170 рукописей, в том числе 30 томов на арабском языке и 50 томов на караимском и татарском языках. По этой же причине не были разобраны книжные и архивные богатства библиотеки.

Сотрудники евпаторийского музея Б.С. Ельяшевич, П.Я. Чепурина под руководством М.Н. Соколова занимались разбором, систематизацией и каталогизацией рукописной части этого собрания. Они выделили 234 тома рукописных книг, написанных караимскими учёными в XIII–XIX вв., выполнили библиографическое описание печатных караимских изданий. Древняя караимская литература была представлена переводами и комментариями к Библии, трудами по филологии, этике, нравственности, изящной словесности, работами по физике, астрономии, математике, справочной литературой. Значительную часть собрания составляли материалы по фольклору караимов, среди которых наибольший интерес представляли фольклорные сборники «мджума». В собрании находились и караимские брачные договоры «шетары», датированные 1730–1919 гг. [14, с. 311–312].

Разбирая в Ленинграде сделанные в Евпатории записи, М.Н. Соколов продолжал научные консультации с сотрудниками музея, вёл постоянную переписку с куратором библиотеки Борисом Саадьевичем Ельяшевичем. Отдельные страницы переписки Б.С. Ельяшевича (послание 3 июля 1928 г.) с М.Н. Соколовым опубликованы в 2007 г. [15].

Находившийся зимой 1927–1928 г. «на каникулах» в Евпатории московский востоковед Владимир Александрович Гордлевский (1876–1956) познакомился с Б.С. Ельяшевичем и П.Я. Чепуриной, начал изучать караимский язык и много времени уделил работе с книгами и рукописями в Карай-битиклиги [16]. В публикации, подготовленной учёным по результатам его работы, содержится общая справка о караимах и библиотеке с упоминанием подвижнической деятельности Б.С. Ельяшевича и П.Я. Чепуриной по спасению от разграбления уникального собрания. В.А. Гордлевскому, как и его коллегам, было понятно, что в курортном городке неорди-

нарное собрание документов не найдёт благодарных пользователей, как в одном из академических центров [17].

В письме к И.Ю. Крачковскому от 18 июля 1928 г. В.И. Филоненко подробно описывал сложную ситуацию, создавшуюся в Евпаторийском музее после увольнения П.Я. Чепуриной, где, по его наблюдениям, царила «большая неразбериха»: «Новый заведующий [Яков Георгиевич Благодарный (1882–1942). — А. Н.] все хочет делать по-новому. Это вполне естественно. Полина Яковлевна, конечно, с ним спорит. В результате не спорят, а только разозляют. Обидно, что никак не удастся убедить Полину Яковлевну примириться. Но хуже всего страдает Караимская библиотека. Это какой-то мертвый капитал. И никому нет до нее дела. И никто не знает даже, что там есть. Я не говорю про рукописи. Я имею *вообще* все печатные книги, там находящиеся. Ведь нет никакого каталога. Да что каталога! Нет самой простой описи. И найти там нужную книгу — дело невозможное. Я пытаюсь там описать книги Шапшала. Не знаю, удастся ли довести эту работу до конца, ибо администрация в лице библиотекаря Ильяшевича [хранителями караимского книжного фонда «Карай-битиклиги» были Сима Саадьевич Ельяшевич (1879–1933) и Борис Саадьевич Ельяшевич (1881–1971). — А. Н.] страшно боится такой описи: “...узнают татары, что у нас тут есть и прощай библиотека...” И вот из-за этого страха — библиотечный хаос — книги портятся, покрываются плесенью, тлеют. А есть очень и очень интересные книги. Все издания нашего факультета [восточных языков Санкт-Петербургского университета, где вместе учились И.Ю. Крачковский и В.И. Филоненко. — А. Н.], кажется с 50-тых годов [XIX в. — А. Н.], почти все иностранные издания. Очень много арабских грамматик на немецком и французском языках. И все это без всякого употребления. Даже боятся

сказать кому-нибудь об этом» [7. Оп. 3. Д. 922. Л. 261, 261 об., 262].

В это время по ходатайству М. Н. Соколова Главнаука Наркомата просвещения РСФСР 27 апреля 1929 г. обратилась с письмом к Наркомпросу Крымской АССР, в котором предлагалось передать уникальное книжное собрание в связи с увольнением хранителя Карай-битиклиги либо в Москву — в Государственную библиотеку, либо в Ленинград — в Государственную публичную библиотеку [9. Л. 42].

Продолжая тему судьбы караимского книжного собрания при Евпаторийском музее, 17 апреля 1929 г. В. И. Филоненко сообщал И. Ю. Крачковскому: «Ельяшевича “вычистили” как караима-юдофоба. Кандидата подходящего не оказалось, и библиотека была закрыта. Директор [Я. Г. Благодарный. — А. Н.] сказал, что у него есть кандидатура — караим, но пока библиотека закрыта <...>. Заведующий музеем [Я. Г. Благодарный. — А. Н.] тяготеет к библиотеке и хочет избавиться от нее. Не обратился ли он сам в Румянцевский музей через Гурлянда. [К 1929 г. существовавший в Москве Румянцевский музей был уже ликвидирован. Бывшая библиотека музея превращена во Вторую Всероссийскую публичную библиотеку (впоследствии — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина). Я. И. Гурлянд являлся сотрудником этой библиотеки. В 1929 г. он предпринимал попытки перевезти из Евпатории в Москву часть караимской библиотеки, однако ему удалось вывезти лишь отдельные издания. — А. Н.]. Причем летом Гурлянд был в Евпатории, собирал какие-то сведения о евреях. Заведующий музеем — тоже еврей, и Гурлянд очень сошлись на одном пункте: отрицательное отношение к караимам» [7. Оп. 3. Д. 922. Л. 292 об., 293, 293 об.].

И. Ю. Крачковский был против передачи караимской книжной коллекции бывшему Румянцевскому музею.

Он публично заявлял, что необходимо передать её в фонды Библиотеки Академии наук в Ленинграде. Но не будем забывать, что Игнатий Юлианович работал в Азиатском музее и, скорее всего, желал перемещения коллекции именно туда. В письме от 7 марта 1930 г. В. И. Филоненко вновь, уже с тревогой, сообщал в Ленинград о судьбе Карай-битиклиги: «Недавно была здесь [в Симферополе. — А. Н.] Чепурина и говорила о якобы готовящемся покушении на караимскую библиотеку, чуть ли даже не о вывозе ее за границу, как большую ценность! Она просила меня сообщить Вам об этом и Михаилу Николаевичу [Соколову. — А. Н.]. Пусть тогда уже Академия наук или Азиатский музей возьмут ее. Действительно с библиотекой дело не ладится. Я несколько раз поднимал вопрос о ней в Наркомпросе [Крымской АССР. — А. Н.], но от нее просто отмахиваются. Очевидно, не желают возиться и, очень может быть, что и вывезут куда-нибудь» [7. Оп. 3. Д. 922. Л. 340–340 об.].

Интересную информацию о судьбе части коллекции Карай-битиклиги и биографии В. Л. Дашевского — научного сотрудника Института востоковедения АН СССР (так с 1930 г. стал называться Азиатский музей), бывшего в 1936–1937 гг. директором Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, содержит письмо В. И. Филоненко Крачковскому от 15 февраля 1931 г.: «Правда, был здесь Дашевский. На этот раз его здесь встретили довольно холодно и мало верили всем его рассказам, хотя он на этот раз наиболее легковверным выдавал себя, как думаете за кого? За внука Сильвера-де-Саси! А попросту он крымчак, его фамилия Бакши и по всему поведению своему личность довольно темная. Ему удалось увезти караимскую библиотеку — рукописи и несколько инкунабул. Не знаю, специально он был командирован с этой

целью или нет. Бумаг своих он вообще неохотно показывает, всех ругает, себя хвалит. А главное — всем говорит разное. Это, кажется, его и погубило в общественном мнении. Но ему, по-видимому, на все наплевать. Лишь бы добиться своего. А какими путями — безразлично» [7. Оп. 3. Д. 922. Л. 377 об.].

Вульф Лейбович (Владимир Львович) Дашевский (1883–1942) в анкетах указывал, что он, украинец по национальности, был выпускником Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине и факультета восточных языков столичного университета, где под руководством Д. А. Хвольсона занимался по еврейско-сирийско-арабскому разряду. Изучал одновременно и арабско-персидско-турецкие разговорные языки. Участвовал в Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войнах. Был членом ВКП(б) с 1917 г. После демобилизации находился на партийной и административной работе в провинции. Последствия контузии на фронте привели его к инвалидности. В. Л. Дашевский переехал в Ленинград, где до 1930 г. не работал; жил на пенсию. С 1930 г. он — заведующий рукописным отделом Института востоковедения АН СССР (бывшего Азиатского музея). Одновременно до осени 1934 г. возглавлял отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вскоре В. Л. Дашевский занял должность учёного секретаря Института востоковедения АН СССР, сотрудничал в Еврейском кабинете Института. Отношение коллег-востоковедов к В. Л. Дашевскому было неоднозначным. Он не имел печатных работ, к автобиографии для личного дела приложил список своих трудов, которые все обозначены как рукописные. Среди коллег звучали обвинения в его связях с ГПУ.

С 1930 г. В. Л. Дашевский активно включился в изучение, описание и перевозку в Ленинград караимских и крымчакских собраний, хранившихся в Кры-

му. В апреле 1935 г. он вновь оформил инвалидность, уволился из Института и без огласки покинул Ленинград: уехал в Бахчисарай, где востоковедом со стажем и смог занять должность директора Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры. Уволен 2 февраля 1937 г., а 18 февраля арестован. Во время следствия по показаниям его сестры было установлено, что В. Л. Дашевский не имеет не только высшего, но и среднего образования, до 1914 г. безвыездно проживал в Одессе и работал музыкантом. В мае 1930 г., во время командировки в Крым от Института востоковедения АН СССР, В. Л. Дашевскому при помощи Исаака Самуиловича Кая (1887–1956) удалось получить от частных лиц и привезти в Ленинград, согласно отчёту, 6 книг, 32 рукописи и 14 фрагментов рукописей. Эта поездка сформировала в Институте мнение о нём как о специалисте, знатоке древних рукописей. Не имея образования, он решил заняться тем, что ему под силу, — сбором документальных материалов. По прибытии в Бахчисарай, добившись быстрого смещения с должности директора музея Файкова, В. Л. Дашевский занял этот пост, однако продемонстрировал полное незнание дела. Проверяющие из комиссии Крымского обкома ВКП(б) обнаружили, что указанная им в анкете информация об окончании двух вузов и знании «иностранных и восточных» языков не находит подтверждения. Оправдываясь, в служебной записке секретарю обкома партии В. Л. Дашевский написал, что окончил Сорбонну! Он умер в заключении 25 июля 1942 г. [18].

Собранная из различных архивных источников информация свидетельствует, что основная часть книжной и рукописной коллекций Карай-битиклиги была вывезена в Институт востоковедения АН СССР в Ленинград (ныне — Институт восточных рукописей РАН), некоторые книги попали в собрание

Российской государственной библиотеки в Москве и Библиотеки Академии наук в Ленинграде. Часть коллекции осталась в фондах музея в Евпатории (сейчас это Евпаторийский краеведческий музей). Отдельные подборки книг были вывезены учёными историками, археологами, востоковедами, которых привлекало в 20-х гг. XX в. руководство Евпаторийским археолого-этнографическим (краеведческим) музеем к разбору, экспертизе фондов библиотеки. Часть вывезенных книг была передана в музеи и библиотеки учреждений, где работали эти специалисты, но немало

раритетов осталось в их личных библиотеках. Библиотеки репрессированных историков после физического уничтожения их владельцев были влиты в государственные книжные собрания и рассеяны. Такая же участь, но в виде отдельных коллекций постигла личные библиотеки выдающихся историков после их смерти. В этих случаях выявить принадлежность томов к Карай-битиклиги помогают только сохранившиеся штампы. Восстановление репертуара книжной коллекции Карай-битиклиги является важнейшей задачей историков, книгovedов, деятелей культуры России.

Библиографический список

1. Фиркович М. Я. Национальная караимская библиотека «Карай-битиклиги» // Известия Таврического и Одесского караимского духовного правления. 1917. № 2. С. 8–9.
2. Непомнящий А. А. Ученое совещание при Крым-ОХРИСе: становление научного памятниковедения в регионе (1920–1921) // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях: материалы Междунар. науч. конф., 26–27 февр. 2019 г. / Ин-т археологии РАН. М., 2019. С. 31–33.
3. Гос. архив Республики Крым (далее — ГАРК). Ф. 241. Оп. 2. Д. 115. Л. 1–2.
4. ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 6. Л. 68–68 об.
5. Непомнящий А. А. Академик Крачковский и крымоведение 20-х гг. XX в.: две малоизвестные командировки // Петербургский исторический журнал: исследования по рос.
- и всеобщей истории. 2015. № 2(06). С. 130–140.
6. Крачковский И. Отчет о командировке в Крым летом 1924 года // Известия Российской Академии наук. Сер. 6. 1924. Т. 18, № 12/18. Ч. 2. С. 663.
7. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФАРАН). Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 45.
8. Научный архив Института археологии НАН Украины. Ф. 9. Оп. 1. Д. 168. С. 692.
9. СПФАРАН. Ф. 746. Оп. 1. Д. 21. Л. 110.
10. Институт истории материальной культуры РАН, научный архив, рукописный отдел. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 83. Л. 8.
11. Karaimska Biblioteka Narodowa (Karaj Bitikligi) // Myśl karaimska. 1928. Т. 1, zesz. 4/5. S. 82.
12. Чепурина П. В редакцию «Бизым Йол» // Бизым Йол=Наш путь. 1927. [№ 1]. С. 91–92.
13. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук. Белгород: Константа, 2018. 352 с.
14. Непомнящий А. А. Неизвестные документы о судьбе коллекции Карай-битиклиги // Крымский архив. 2009. № 11. С. 303–316.
15. Переписка Б. С. Ельшиевича с М. Н. Соколовым, 3 июля 1928 г. // Караимика. 2007. № 3. С. 26–28.
16. Непомнящий А. А. Неизвестный Владимир Гордлевский: крымоведческие страницы деятельности // Крымское историческое обозрение. 2017. № 1. С. 43–56.
17. Гордлевский В. А. Лексика караимского перевода Библии // Доклады Академии наук Союза Советских Социалистических Республик. Сер. В. Ленинград, 1928. № 5. С. 87–91.
18. Институт восточных рукописей РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 196. Л. 1–45.